

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. М. ЛЕЩЁВА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ **В** КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК
МОСКВА 2014

УДК 80/81-159.9
ББК 81
Л 54

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Рецензенты:

Доктор филологических наук профессор З. А. Харитончик (МГЛУ)
Доктор филологических наук профессор А. П. Клименко (МГЛУ)

Лещёва Л. М.

Л 54 Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. — М.:
Языки славянской культуры; Знак, 2014. — 256 с. —
(Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0556-7

В монографии предпринята попытка комплексного изучения лексической полисемии как явления, обусловленного свойствами языковой системы, а также нейрофизиологической, психологической и социальной природой человека. Изучен характер регулярной полисемии английских существительных и прилагательных. Рассматривается проблема овладения полисемией ребенком в процессе его когнитивного развития.

Работа адресуется преподавателям, аспирантам, студентам факультетов иностранных языков университетов, интересующимся проблемами семантики, номинации и когнитологии.

ISBN 978-5-9551-0556-7

ББК 81

© Издательства «Языки славянской культуры», «Знак», 2014
© Лещёва Л. М., 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие к новому изданию</i>	7
<i>Введение</i>	15
1. Основные этапы изучения истории полисемии	16
1.1. Проблемы полисемии в философских работах до XIX века	17
1.2. Лексическая многозначность как предмет исследования лингвистики XIX века	21
1.3. Многозначность в лексикологических работах XX века	24
2. Определение термина «полисемия»	27
3. Методы установления в слове полисемии	31
4. Цели и задачи исследования	39
5. Материал исследования	42
Глава 1. Когнитивные основы полисемии	46
1.1. О нейрофизиологических и нейропсихологических основах полисемии	48
1.2. Концептуализация и полисемия	57
1.3. Категоризация и полисемия	68
1.4. Категоризация, номинация и полисемия	81
1.5. Номинация и семантические универсалии	91
Выводы по главе 1	98
Глава 2. Лексическая полисемия в английском языке	101
2.1. Определение понятия регулярной полисемии	102
2.2. Регулярная полисемия в классе существительных	106
2.2.1. Проблемы семантической классификации существительных	106
2.2.2. Общая характеристика предметно-понятийной отнесенности анализируемых существительных	109
2.2.3. Общая характеристика производных значений исследуемых существительных	116
2.2.4. Модели тематической вариативности английских существительных	129
2.2.5. Внутрисловные связи значений субстантивных полисемантов	148
2.2.6. Модель полисемии существительного	165
2.2.7. Сингулярные значения и лакуны в семантических структурах существительных	169
2.3. Особенности полисемии в классе прилагательных	176
Выводы по главе 2	190

Глава 3. Полисемия и ментальный лексикон	192
3.1. Организация полисемии в ментальном лексиконе	193
3.2. К проблеме создания генеративной теории полисемии	204
3.3. Развитие навыков производства и понимания лексической полисемии	216
Выводы по главе	233
<i>Заключение</i>	235
<i>Список использованных источников</i>	236

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Многозначность слова, или лексическая полисемия, является ярко выраженной и неотъемлемой чертой любого естественного языка, его успешного функционирования и развития, а соответственно, и одной из центральных, наиболее значимых проблем лексической семантики и языкознания в целом.

История изучения многозначности слова уходит своими корнями в древнейшие цивилизации Востока, Древней Греции и Древнего Рима, когда философами рассматривалось разное употребление слова в разных ситуациях, изменение значения слова в разных контекстах и необходимость учета такого изменения в ораторском искусстве или при толковании священных текстов.

Наиболее интенсивное и последовательное изучение полисемии началось во второй половине XIX — начале XX века благодаря работам блестящих ученых разных стран, школ и направлений. Так, индоевропеист Мишель Бреаль внес значительный вклад в изучение исторических изменений значений, обосновал необходимость специальной науки о значениях и предложил термины *полисемия* и *семантика*, без которых современная наука уже не может обойтись. Герман Пауль, глава школы младограмматиков, уделил большое внимание психологическому основанию изменений значения в слове — сужению, расширению, переносу значения. М. М. Покровский, российский семасиолог, предложил изучать значение не отдельного слова, а групп слов, принадлежащих к одной понятийной сфере. А. А. Потебня и Л. В. Щерба, также российские ученые, несмотря на то, что формально отрицали существование многозначности слова, сделали очень многое для тщательного и оригинального ее изучения.

Особая роль в разработке вопросов полисемии принадлежит структурной лингвистике 60—70-х гг. прошлого столетия, в том числе, ее советской школе. В рамках этого направления были выдвинуты, обоснованы и доказаны такие положения, как сложность структуры значения, неравноправность и иерархичность значений в семантической структуре слова, выявлены семантические основания и типы связей значений в слове, дискутировалась проблема «общего значения», проводились сопоставительные исследования полисемии в разных группах лексики и в разных языках, устанавливались показатели дифференциации полисемии и омонимии, разрабатывались процедуры разграничения значений полисеманта, имеющие особо важное значение для лексикографии, и т. д.

Казалось, не было таких аспектов полисемии, которые не стали бы уже объектом научного исследования, поскольку тысячи лет полисемия была под пристальным вниманием тысяч ученых разных стран мира. Но с появлением на научном горизонте когнитологии к ней вновь возник невиданный ранее устойчивый интерес, традиционные подходы к ее изучению приобрели новые ракурсы, а теория полисемии заиграла новыми гранями.

Изучение полисемии всегда было связано с анализом внутренней, содержательной стороны языкового знака, теснейшим образом связанной со знанием, познанием, когницией, и в этом смысле оно всегда являлось когнитивным. Вместе с тем междисциплинарная когнитивная наука, окончательно оформившаяся к 80-м гг. XX в., сосредоточила все свое внимание исключительно на работе сознания, репрезентации в нем разных видов знания, в том числе, знания языка, механизмов его функционирования. Все традиционно рассматриваемые в лингвистике вопросы приобрели в когнитивной науке антропоцентричность, стали рассматриваться в тесной связи с самим субъектом восприятия, познания, мышления и поведения — человеком. Такой сфокусированный взгляд на работу сознания, на моделирование языковых знаний в его архитектуре, безусловно, позволил по-новому интерпретировать имеющиеся сведения о языке, заставил ученых ставить новые вопросы и искать на них убедительные ответы.

Потребовалось выяснить, что собой представляет сознание, его структура и функционирование, непрерывно происходящие в нем процессы концептуализации и категоризации, лежащие в основе образования единиц сознания — концептов, что собой представляет мышление и какова в нем роль языка — вопросы, в общем-то, в науке традиционные, но поднятые на новом витке ее развития в рамках комплексной, междисциплинарной когнитивной науки¹. Причем в центре внимания всех когнитологов, изучающих архитектуру и функционирование сознания, оказался естественный язык человека, поскольку все когнитивные процессы (восприятие информации, категоризация и концептуализация, запоминание, догадка и др.) наиболее ярко проявляют себя именно в наблюдаемой речи, в языковой системе. Соответственно, среди всех когнитивных наук особое положение заняла лингвистика, которая благодаря прежде всего работам Н. Хом-

¹ Поскольку единого научного метода междисциплинарная когнитивная наука не имеет, ее часто называют сейчас когнитивными науками, объединяющими такие научные области о сознании человека как психология, философия, лингвистика, нейролингвистика, этнография, теория искусственного интеллекта.

ского из эмпирической и описательной превратилась в теоретическую, моделирующую, конструирующую такой компонент когнитии, как языковая способность.

При этом среди всех изучаемых когнитологами, и прежде всего когнитивными лингвистами, разнообразных языковых явлений особое место заняла полисемия и лежащие в ее основе когнитивные и номинативные механизмы, в том числе, метафора и метонимия. Когнитологи полагают, что именно эти яркие, универсальные, легко наблюдаемые явления языка аккумулируют в себе результаты многих когнитивных процессов, в том числе, таких базовых, как категоризация и концептуализация, лежащие в основе мышления, соответственно, исследуя полисемию, можно заглянуть в заветный «черный ящик» — наше сознание.

Исследование полисемии когнитологами было начато не с чистого листа: многие из изучаемых ими явлений были предметом изучения и в традиционной лингвистике, но рассматривались они в другом ракурсе и имели иные заключения. В этой связи в лингвистике как когнитивной науке по-прежнему широко используются термины традиционной лингвистики, но они приобрели новый смысл, и это зачастую усложняет взаимопонимание лингвистов разных научных школ.

Так, например, и в традиционной, и в когнитивной лингвистике исследуется лексическая полисемия, но трактуется это явление по-разному.

В традиционной лингвистике она понимается как свойство знака иметь несколько планов содержания, как сложное структурно организованное семантическое единство, включающее разные, но деривационно зависимые значения, связанные единой формой словесного знака. Изучение такого сложного семантического единства максимально экстериоризуется, рассматривается в рамках системы языка, достаточно отстраненной от источника и места локации этой системы — сознания. При этом исследуется количество значений в структуре полисемантических слов, их зависимость от частеречных, частотных, морфологических и других характеристик слова; характер структуры (радиальный, цепочечный, смешанный); типы значений (основные и производные, первичные и вторичные, прямые и переносные, синтаксически свободные и синтаксически связанные значения и др.) и виды связи между ними (метафорическая, метонимическая, гиперо-гипонимическая и др.), описываемые главным образом на основе компонентного анализа, строятся модели регулярной полисемии для слов с близкими исходными значениями и т. д.

Новая же лингвистическая парадигма, в широком смысле именуемая когнитивной, при исследовании лексической полисемии рассматривает семантическую структуру слова исключительно как внутреннее, интериоризованное явление, как концептуальный кластер, объединяющий разные по характеру концепты по принципу семейного сходства. Семантические связи значений полисеманта при этом трактуются как фреймовые или метафорические и метонимические концептуальные связи, базирующиеся на отношениях имидж-схем, первично сформированных в сознании человека на основе его индивидуального опыта наблюдения за работой собственного тела (Дж. Лакофф и др.). Декларируется установление целого ряда системных, регулярных концептуальных метафор, описывающих создание более абстрактных концептов на базе более конкретных и определяющих в значительной степени работу нашего сознания. Поскольку основными источниками («донорами») метафоры являются концепты о наиболее знакомых объектах и явлениях, выделяют физиологические, зоо- и фитоморфные, милитарные, криминальные, спортивные и другие концептуальные метафоры (*люди — машины; люди — звери; война — спор; деньги — время; восходы — идеи* и др.). Некоторые лингвисты (например, Дж. Пустейовски) к системным генеративным связям значений полисеманта относят только такие его периодические изменения, или альтернации, как *животное/мясо; объект/вещество; вещество/порция вещества; сосуд/его содержимое; столица/правительство* и др., описываемые в традиционной лингвистике с помощью различных видов метонимических связей. Важным для когнитивной лингвистики является также не только выявление самих правил регулярной полисемии, но и установление ограничений на них.

Далее, причины полисемии традиционная лингвистика описывает в терминах семантических сдвигов, обусловленных различными факторами: *экстралингвистическими* (например, наличие разных социальных и профессиональных групп, по разному использующих слово; появление новых понятий, нуждающихся в номинации; запреты на использование определенных слов и употребление вместо них слов-заместителей) и *внутрилингвистическими* (регулярная совместная сочетаемость двух слов и перенос значения одного слова на другое в результате эллипсиса, семантическая аналогия, дифференциация синонимов, высокая частота использования слова в разных контекстах и др.).

Когнитивная же лингвистика видит причины полисемии в схожем строении ряда концептов (Р. Джэкендофф) или же в их генеративной

связи, порождении одних, более абстрактных концептов другими, более простыми и конкретными (Дж. Лакофф и М. Джонсон).

Традиционная лингвистика рассматривает историческое формирование полисемии у слова или ее современное состояние. Когнитивная же лингвистика на основе данных языка пытается объяснить формирование концептуальной системы, а также процесс овладения полисемией конкретного языка на основании врожденных и приобретенных знаний и процедур.

Традиционная лингвистика изучает способы эффективной презентации полисемии в словарном лексиконе, лингвистика как когнитивная наука направлена, в первую очередь, на исследование презентации полисемии в нашем ментальном лексиконе, на установление нейрофизиологического механизма обработки полисемии мозгом.

Монография «Лексическая полисемия в когнитивном аспекте»² была подготовлена в 1992—1996 гг. — период, когда новое междисциплинарное научное направление, именуемое «когнитивным», находилось, особенно за рубежом, в стадии расцвета. К этому времени выдающиеся ученые второй половины XX столетия, работающие в рамках этой новой научной парадигмы, уже опубликовали свои главные труды, получившие мировую известность, где не только декларировались, но и применялись на практике принципы изучения ментальных процессов. В этой связи, в данной работе нашел место диалог с учеными разных стран, работающими в этом направлении, и прежде всего, американскими учеными, где когнитология родилась и получила свое название.

В работе аргументируется правомерность точки зрения на сущность лексической полисемии как ментального явления. Его результатом является формирование полисемантической концептуальной категории, имеющей сложную структуру кластерного типа, объединяющей по принципу «семейного сходства» разные концепты и обладающей центробежными и центростремительными силами, которые ведут, соответственно, с одной стороны, к распаду полисемии на омонимы, а с другой — к ее усложнению и развитию. Высказываются сомнения в корректности точки зрения на полисемию как результат метафорического процесса концептообразования. Подчеркивается особая роль номинации, в частности, ее лексико-семантического типа, в образовании полисемии. В монографии также описаны наблюдения за развитием в онтогенезе способности ребенка понимать многозначность

² Л. М. Лещева. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: МГЛУ, 1996. 247 с.

слов в родном языке. Приведены результаты наблюдений за особенностями восприятия многозначных слов взрослыми больными с повреждениями функций разных полушарий головного мозга.

Уделяется в монографии большое внимание и традиционным вопросам полисемии, например, ее регулярности, хотя ее сущность трактуется в когнитивном ракурсе. Устанавливаются модели регулярной полисемии для английских существительных и прилагательных, причем методика этого процесса в значительной степени базируется на работах российских и советских ученых, поскольку в отечественной лингвистике проблема лексической полисемии никогда не исчезала с научного горизонта.

Интересно отметить, что за прошедшее с момента публикации данной монографии время проблема полисемии не утратила актуальности. Более того, если ранее полисемия была скорее объектом философских исследований, теоретических лингвистических дискуссий и лексикологических / лексикографических штудий, то в последние годы в связи с интенсивным развитием теории и практики обработки естественного языка человеком искусственным интеллектом, широким распространением программ компьютерного перевода вопрос о лексической полисемии приобрел особую остроту и практическую направленность, в том числе, в компьютерной лингвистике.

Известно, что человек, как правило, достаточно легко и корректно разрешает с помощью контекста проблему многозначного слова, руководствуясь знанием языка и знанием мира. Компьютер же, напротив, имея в распоряжении даже достаточно большой контекст, точную информацию о его тематической отнесенности, не в состоянии обеспечить корректность выбора значения полисеманта и адекватность перевода предложений с многозначными словами. Машина не способна осуществлять знаниевые операции аналогично тому, как это делает человек: компьютеры обрабатывают контекст как последовательные цепочки букв, слов или звуков, человек же в значительной степени схватывает значение всей ситуации на основе индивидуального жизненного опыта и особого, в настоящее время недостаточно изученного способа обработки поступающей многоканальной информации. Если вопрос корректной интерпретации машиной лексической многозначности и сможет быть когда-либо решен, то только на основе установленного ментального механизма обработки полисемии нашим сознанием. Соответственно, без глубинного и всестороннего изучения полисемии всеми когнитивными науками вряд ли можно ожидать решения проблемы лексической полисемии только за счет односторон-

него прорыва в какой-нибудь одной области, например, в лингвистике или теории искусственного интеллекта. Именно поэтому вопрос о полисемии в настоящее время не только продолжает оставаться в центре внимания всех ученых-когнитологов, но и переживает новую волну повышенного интереса³.

Нельзя не отметить особую значимость созданных за последние годы электронных баз данных и электронных словарей для изучения полисемии, в том числе, известного в настоящее время во всем научном мире словаря WordNet, созданного в Принстонском университете (WordNet: An Electronic Lexical Database / Ed. by Christiane Fellbaum. MIT, 1998). Этот электронный словарь включает 168 000 слов, связанных 345 000 связей, в том числе, внутренних (эпидигматических — внутри полисемантического слова) и внешних (антонимических, синонимических, меронимических, гиперо-гипонимических и т. д.). Кроме того, существует несколько баз данных о концептуальных метафорах (например, Conceptual Metaphor WWW server <http://cogsci.berkeley.edu/lakoff> и The Hamburg Metaphor Database <http://www.metaphorik.de/03/eitlsloenneker.htm>), которые используются, к сожалению, преимущественно зарубежными исследователями.

Полисемия продолжает исследоваться и в традиционном плане, но полученные новые данные, как правило, приобретают когнитивный характер при их интерпретации. С помощью структурных, контекстологических, статистических, психолингвистических, индуктивных, дедуктивных и других научных методов продолжают исследования номинативных, этимологических, частотных, лексикографических, переводческих, стилистических, культурологических, контрастивно-типологических аспектов лексической полисемии. Так, сопоставляется характер полисемии в разных частях речи и разных грамматических разрядах, особое внимание при этом уделяется семантике ранее недостаточно исследуемых глаголов. Многочисленны работы по полисемии разных лексико-семантических и стилистических групп, в том числе

³ См., например, работы *Pustejovsky J., Boguraev B. Lexical Semantics: The Problem of Polysemy. Oxford University Press, 1997; Polysemy: Theoretical and Computational Approaches / Ed. by Y. Ravin, C. Leacock. Oxford University Press, 2000; Polysemy in Cognitive Linguistics: Selected papers from the International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, 1997 / Ed. by H. Cuyckens, B. Zawada. Current Issues in Linguistic Theory, 2001; Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language (Trends in Linguistics: Studies & Monographs) / Ed. by B. Nerlich, Z. Todd, V. Herman, D. Clarke. Mouton de Gruyter, 2003; Word Sense Disambiguation: Algorithms and Applications / Ed. by E. Agirre, Ph. Edmonds. Springer, 2007; Fortescue M. A Neural Network Model of Lexical Organisation // Continuum Studies in Theoretical Linguistics, 2011.*

полисемии терминов, диалектизмов. Интенсивно изучается проблема регулярности полисемии⁴.

Истекшие с момента публикации данной монографии годы характеризуются также тщательным анализом и оценкой выполненного, достигнутого в когнитивистике, в том числе, в области изучения проблемы полисемии. Такая работа также чрезвычайно важна, поскольку литература по теме весьма обширна, выполненные исследования являются разными по выбранному ракурсу и материалу. Кроме того, исследования даже одного ракурса полисемии зачастую выполнялись разными учеными параллельно и независимо одно от другого, что не могло не привести к использованию при описании однотипных явлений разной терминологии, требующей в настоящее время анализа и интерпретации.

Полисемия принадлежит к разряду «вечных» научных тем, таких же неисчерпаемых, как тема любви в литературе. С появлением новых талантливых ученых, научных парадигм и оригинальных исследований проблема полисемии всегда будет приобретать новый ракурс и новое видение.

В заключение хочу выразить глубочайшую благодарность Алексею Дмитриевичу Кошелеву, главному редактору издательства «Языки славянской культуры», обратившему внимание на мою монографию, изданную малым тиражом в 1996 году, и подарившему книге второе рождение. Выражаю также искреннюю признательность всему коллективу редакции за творческий труд и поддержку.

*Л. М. Лещёва,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета*

⁴ *Rakova M.* The Extent of the Literal: Metaphor, Polysemy and the Theories of Concepts. Palgrave Macmillan, 2003; *Песина С. А.* Полисемия в когнитивном аспекте: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005; *The Cognitive Basis of Polysemy: New Sources of Evidence for Theories of Word Meaning / Ed. by M. Rakova, G. Pethö, C. Rákosi.* Series: Metalinguistica. Vol. 19. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang Publishing Group, 2007; *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. by M. Vanhove.* Studies in Language Companion Series. Vol. 106. John Benjamins Publishing Company, 2008; *Pethö G.* On irregular polysemy // <http://193.6.132.75/honlap/7-Petho.pdf>. *Qingkai M.* Principled Polysemy Revisited: A Minimal Polysemy Approach: A Critique of Principled Polysemy Model. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

ВВЕДЕНИЕ

Полисемия, или многозначность, настолько важна для функционирования языка и настолько внешне очевидна, что обойти ее в лингвистических исследованиях просто невозможно. Полисемия осознавалась и описывалась учеными с древнейших времен. Аспекты этого сложнейшего явления, а также форма, способы их описания в значительной степени определялись общим состоянием лингвистики и смежных с нею наук, господствующими в них направлениями, но, вместе с тем, никогда не ограничивались ими — решающая роль здесь принадлежала таланту ученого, зачастую предвосхищавшего будущие исследования.

В лингвистике проблема полисемии аккумулировала обширнейшую базу данных, теорий и не меньшее количество вопросов и гипотез. К числу нерешенных относятся, прежде всего, ставшие уже традиционными вопросы о методах разграничения полисемии и омонимии, об инварианте и вариативности полисеманта, о характере связи и ранжировании значений в семантической структуре слова и другие, относящиеся непосредственно к строению языковой системы.

В связи со становлением в настоящее время когнитивных наук, изучающих проблемы сознания и знания, ареной современных лингвистических сражений оказывается целый ряд новых, впервые поднимаемых или давно забытых вопросов, таких как порождение, усвоение и хранение многозначных единиц в ментальном пространстве, механизм использования и распознавания значения полисеманта в тексте человеком и искусственным интеллектом, особенности этих процессов у людей разного возраста и психического состояния, моно- и билингва и т. д.

Проблема полисемии остается одной из главнейших и в лексикографии, стремящейся в максимально сжатой и наглядной форме представить богатейшую информацию о содержании лексических единиц языка — информацию, в которой нуждается самый широкий круг пользователей словарей, в том числе студенты, учителя, исследователи родного и иностранного языков.

Сущность проблемы с точки зрения лексикографии заключается в поиске оптимальной формы презентации полисемии, учитывающей ментальную способность понимать и порождать многозначность. В свою очередь, решение проблемы оптимизации

формы представления семантики многозначного слова требует глубинного изучения сущности и закономерностей полисемии.

Центральное место полисемия занимает и в теории искусственного интеллекта. Неоднозначность пронизывает всю структуру естественного языка, и рейтинг возможностей компьютера не может быть высоким, если останутся без решения вопросы распознавания значений, снятия неоднозначности, правильной интерпретации текста и адекватного перевода многозначных единиц.

Таким образом, проблемы полисемии не только остаются в поле зрения современного языкознания, но и постепенно становятся центральными в лингвистике и смежных с нею науках. В этой связи актуальной представляется предпринятая в настоящей монографии дальнейшая разработка некоторых традиционных, а также ряда новых вопросов, возникших в связи с развитием когнитологии.

Автор выражает глубокую благодарность за разностороннюю помощь администрации Минского государственного лингвистического университета, американской организации по международному научному обмену IREX, профессорам Рэю Джэнкендоффу, З. А. Хари-тончик, Е. С. Кубряковой, А. П. Клименко, Джеймсу Пустейовскому, Джорджу Миллеру, Кристиан Феллбаум, редактору Л. М. Малининой, коллегам, семье и друзьям.

1. Основные этапы изучения истории полисемии

Чтобы рельефнее отразить новизну когнитивного ракурса изучения полисемии, целесообразным видится предварительный анализ истории формирования теории многозначности и основных результатов изучения этого явления другими школами и направлениями.

Анализ истории изучения любой лингвистической проблемы — чрезвычайно сложная задача, поскольку, в отличие от точных наук, исследование здесь не бывает одномерным. В разное историческое время могут существовать научные школы или теории отдельных ученых, разделяющие мнение по отдельной проблеме, и наоборот, в одно и то же время ученые могут работать над решением проблемы в разных парадигмах, использовать разный аппарат анализа и описания, что делает сравнение точек зрения особенно трудным. Другая сложность состоит в том, что в силу особенностей характера позна-

ния существует опасность современной трактовки многих положений, правильная оценка которых, однако, требует учета и анализа того исторического периода, в котором они были разработаны.

Никак не претендуя на исчерпывающее описание развития научных взглядов на проблемы полисемии в рамках данного краткого обзора, попытаемся очертить лишь главные вехи в формировании теории многозначности слова на фоне исторического развития смежных с ней теорий значения, вариативности, описания ряда лексикографических проблем, а также характеристики этапов развития лингвистики в целом.

1.1. Проблемы полисемии в философских работах до XIX века

Вопросы о языке были в числе главных в дошедших до нас работах ученых древнего мира, хотя их перечень в трудах исследователей разных цивилизаций оказался различным в силу сложности самого объекта исследования, а также конкретных исторических условий, диктующих необходимость изучения конкретного аспекта языка.

К сожалению, многие работы ученых известных научных школ древности — признанных источников современных знаний — не сохранились до нашего времени, в том числе труды древнегреческих философов Сократа, Аристотеля, Хрисиппа и др. Однако дошедшие до нас работы или более поздние ссылки на них поражают широтой интересов, характером постановки и интерпретации проблем. Уже тогда в центре внимания философских дискуссий были такие вопросы, не утратившие своей актуальности и сегодня, как связь между именем и вещью, звучанием и значением, происхождение языка и письменности, соотношение мысли и речи, звуковая и грамматическая система греческого языка, первичные и вторичные слова, синонимия.

Хотя анализ многозначности слов в работах древнегреческих философов носил во многом фрагментарный характер, подчиненный к тому же решению других, обычно философских, проблем, мы им обязаны не только привлечением внимания к этому явлению, но и появлением ряда терминов, необходимых для его описания (полисемия, омонимия, метафора, метонимия и других, широко используемых в современной лингвистической литературе).

Проблема многозначных слов — полисемов, по Демокриту (V в. до н. э.), и омонимов, по неоплатонику Проклу (V в. н. э.), а также метонимов — слов, переименовывающих предметы (также этот

термин использовал Демокрит), затрагивалась прежде всего в споре о природе имен в качестве аргумента, доказывающего их произвольность¹ [Лурье 1970: 353].

Размышления выдающегося мыслителя Древней Греции Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) над многозначностью были вызваны, главным образом, задачами риторики: необходимостью умелого использования языковых средств для выявления ошибок в научных рассуждениях и, если это считалось целесообразным, для введения оппонентов в заблуждение. «Исследовать многозначность полезно для ясности (ибо то, что утверждают, знают лучше, когда выявляют многозначность слов), и для построения умозаключений, касающихся самого предмета, а не его названия... Но выявление многозначности полезно и для того, чтобы не дать ввести себя в заблуждение и чтобы ввести в заблуждение собеседника» [Аристотель 1978: 370]. Причину многозначности Аристотель видел в малочисленности языковых средств: «...число имен и слогов ограничено, а количество вещей неограничено. Поэтому одно и то же слово и одно имя неизбежно обозначают многое» [Там же: 536].

Многозначность, по Аристотелю, бывает разной. Она может быть вызвана *одноименностью* предметов, «у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности... разная, как например, *dzoop* означает человека и изображение» [Там же: 53]. Или же многозначность может обуславливаться *соименностью* предметов, «у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, ‘живое существо’ (*dzoon*) — это и человек, и бык... Ведь если указывать понятие того и другого, что значит для каждого из них быть *dzoon*, то будет указано одно и то же понятие» [Там же].

Сейчас трудно утверждать, идет ли здесь речь о разграничении омонимии и полисемии или о полисемии и гиперо-гипонимии, однако сам факт установления ученым неоднородности явления многозначности является примечательным.

Аристотелю принадлежит и первая систематизация способов обнаружения многозначности, включающих:

— подбор синонимов и антонимов к анализируемому значению слова («Например, острому противоположно: для звука — низкое, для имеющего объем — тупое») [Там же: 364],

¹ Термины *омонимия* и *полисемия*, насколько нам известно, не получили достаточно четкого различительного описания в учениях древнегреческих философов и употреблялись зачастую синонимично.

— анализ способа восприятия обозначаемой словом действительности («Ибо не в одном и том же смысле говорится, что свет яркий и звук яркий. Это обнаруживается и при помощи чувственного восприятия») [Аристотель 1978: 365],

— анализ семантики однокоренных слов («...если ‘справедливо’ означает разное, то и ‘справедливое’ означает разное. Ибо каждому значению слова ‘справедливо’ соответствует [такое же] значение слова — ‘справедливое’») [Там же: 365–366],

— анализ «родов», или лексико-семантических полей, к которым принадлежат разные значения слова («*onos* означает живое существо и орудие») [Там же: 367],

— анализ определений сочетаний слов («полезно также обратить внимание на определение, получаемое от сочетаний, например яркого тела и яркого звука. Ибо если убрать из них собственное, то должен остаться один и тот же смысл. Но это не бывает у одноименных вещей...») [Там же: 368],

— сравнение по степени называемых полисемантическим словом качеств (сравнивая, например, яркий звук и яркую одежду, острый вкус и острый звук, «нельзя говорить ни то, что они в одинаковой мере ярки и остры, ни то, что одно ярко и остро в большей мере, чем другое. Так что ‘яркое’ и ‘острое’ одноименны») [Там же: 369].

Вклад Аристотеля в изучение многозначности высоко оценивается нашими современниками: «Наблюдения над языковой многозначностью, встречающиеся во многих сочинениях Аристотеля, принадлежат к числу наиболее замечательных его достижений в области изучения языка» [История... 1980: 16].

Не менее значимы рассуждения о многозначности других ученых Древней Греции. Утверждение, например, стоика Хрисиппа (281/277—208/205 гг. до н. э.) о неоднозначной природе каждого слова («*omne verbum ambiguum natura esse*»)², которая, однако, устраняется в тексте, имеет такую глубину, что все последующие разработки этой проблемы можно, по сути дела, свести к исследованию толкований этого тезиса.

В других лингвистических традициях древности уделялось больше внимания смежным с многозначностью проблемам. Так, древнеримский философ-филолог Варрон (116—27 гг. до н. э.) не только отмечал, как Платон или Аристотель, факт исторической изменчивости слова, но впервые приступил к изучению его эти-

² Цит. по [Hall 1972: 90], см. также [Esper 1973: 4].

монологического значения, предвосхитив тем самым работы младограмматиков в XIX веке по изучению причин и характера изменчивости значения.

Вопросы многозначности в странах древнего Востока рассматривались, главным образом, в связи с задачами лексикографической практики. Чрезвычайно интересно заметить, что иероглифическая, а затем клинообразная шумерская письменность в Вавилонском государстве (2000—539 гг. до н. э.), письмо в Китае, объединявшее фонетический и иероглифический принципы, позволили в определенной степени избежать проблемы разграничения полисемии и омонимии, столь острой в лексикографии языков со звуко-буквенным принципом письма. Здесь и омонимы, и разные значения полисеманта обозначались разными знаками. Так, например, омофон *du* в значении ‘ходить’ обозначался в шумерском языке знаком, изображающим ногу, а *du* в значении ‘строить’ — знаком, изображающим колышек [Дьяконов 1979: 11]³.

В комментаторской древнеиндийской литературе к священным текстам на санскрите уже в III—II веках до н. э. многозначные слова приводились отдельным списком.

Там же обсуждался вопрос о том, следует ли рассматривать слова с несколькими значениями как отдельные единицы, т. е. как омонимы, приводились первые классификации типов значений слов, уделялось много внимания контексту как ограничителю семантики слова. Велись дебаты о том, обладает ли целостным смыслом предложение, слова в котором получают определенное значение, или же слова, которые с определенным семантическим приращением или без него формируют предложение (подробнее см. [История... 1981: 91; Robins 1969: 138]), т. е. имели место дискуссии, близкие современным о лексоцентрическом и текстоцентрическом подходах к определению значения.

³ Не следует, однако, полагать, что иероглифическая письменность решила проблему неоднозначности: сам иероглиф почти всегда является омографом, так как обозначает обычно целый пучок понятий, имеющих разную форму фонетического чтения. Таким образом, с помощью иероглифического письма снималась только проблема омофонии, проблема же омографии усложнялась. Так, в хеттском языке, например, один и тот же знак мог употребляться как логограмма, как силлабограмма и как детерминатив. Знак, изображающий берущую руку, например, как логограмма обозначал ‘брат’ (фонетическое чтение [ta], как силлабограмма он имел чтение [ta], как детерминатив употреблялся перед глаголом *ира* ‘закладывать основание’ (пример из [Дунаевская 1969: 115]). В конечном же итоге, проблема однозначного прочтения формы оставалась нерешенной.